

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ГИМ ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЙ

Научный альманах,
посвящённый памяти известного специалиста
по археологии Северного Кавказа,
кандидата исторических наук
Александра Пинкусовича Мошинского

◆

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

FROM THE HISTORY OF THE NORTH
CAUCASIAN PEOPLES CULTURE

ВЫПУСК 16

СТАВРОПОЛЬ – МОСКВА – 2023

УДК 902(903)

Г. М. Лежак⁵⁸

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О ПАРАЛЛЕЛЯХ ВЕНГЕРСКИХ ПЛАСТИНЧАТЫХ НАКОСНИКОВ ЭПОХИ ОБРЕТЕНИЯ РОДИНЫ, ОБНАРУЖЕННЫХ К ВОСТОКУ ОТ КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА

Аннотация: Венгерское племенное объединение возникло вследствие сложных этнических процессов. Средневековые венгерские хроники и большинство письменных источников того времени указывают на северо-западное Предкавказье вблизи побережья Меотиды (Азовского моря) как на один из важнейших регионов этногенеза мадьяр. Во время первой венгерской археологической экспедиции на Кавказ в 2016 году среди находок, переданных в Анапский археологический музей из могильника Андреевская щель, нам удалось задокументировать несколько артефактов, в том числе пластинчатый накосник с пальметным орнаментом⁵⁹, обнаруживающий прямые параллели с находками X века, происходящими из Карпатского региона. В этой статье на материале пластинчатых накосников периода обретения венграми родины рассматривается ответ на вопрос о том, можно ли определить восточные ареалы расселения древних мадьяр на основании ареала распространения археологической находки, считающейся специфически венгерским типом артефактов. Кроме соответствующих письменных источников, на вероятность такого предположения указывают миграционные пути тюркоязычных народов, населявших Восточную Европу от Урала до Кавказа до и после появления там древних мадьяр.

Ключевые слова: пластинчатый накосник, древние мадьяры, районы поселения древних мадьяр, Южный Урал, Кавказ, Меотида, Дентумогер (Дентю-Модьер), гуннский князь Могер (Муагерис), древнее переселение болгар, ногайцы.

G.M. Lezsák

SOME IDEAS ABOUT ANALOGUES OF HUNGARIAN DISCOID BRAIDS OF THE TIME OF THE CONQUEST FOUND EASTWARD OF THE CARPATHIAN BASIN

Abstract: *The Magyar tribal association had appeared due to a series of complicated ethnic processes. The mediaeval Hungarian chronicles and most written sources of the time pointed to the north-western foothills of the Caucasus next to Maeotid Lake (the Sea of Azov) as one of the major regions of Magyar ethnogenesis. During the First Hungarian Archaeological Expedition to the Caucasus conducted in 2016, we documented several artefacts from the finds handed over to Anapa Archaeological Museum, including a discoid braid with palmetto ornament that showed direct parallels with 10th-century finds from the Carpathian Basin. In this article, based on the available discoid braids of the period of the Hungarian Conquest, we speculate upon the question whether it is possible to identify the*

⁵⁸ Лежак М. Габриэлла, PhD, археолог, научный сотрудник Отдела древней венгерской истории Исследовательского центра гуманитарных наук Научно-исследовательской сети им. Лоранда Этвеша, Будапешт, Венгрия, e-mail: lezsak.gabriella@abtk.hu. Перевод с венгерского языка Владимира Пукиша (Будапешт, Венгрия).

⁵⁹ Еще раз выражаем благодарность главному научному сотруднику Анапского археологического музея Андрею Новичихину за обращение нашего внимания на эти находки.

eastern habitats of ancient Magyars judging by the distribution of the archaeological find considered as a specific Hungarian object type. In addition to the written sources, the probability of such suggestion can be supported by the migration ways of the Turkic peoples that had populated East Europe from the Urals to the Caucasus before and after the appearance of ancient Magyars in these areas.

Key words: *discoid braid, ancient Magyars, eastern habitats of ancient Magyars, the South Urals, the Caucasus, Maeotid Lake, Dentumoger (Dentü-Mogyer), Hun King Moger (Muageris), Ancient Resettlement of Bulgarians, the Nogais.*

Среди археологического материала Карпатского бассейна эпохи «обретения родины» венграми и в ближайших к нему районах пластинчатые наконечники задокументированы приблизительно в 70 могильниках, в то время как далее к востоку на данный момент обнаружены всего лишь три таких наконечника (Lezsák et al, 2018, p. 143–168) (рис. 1)⁶⁰.

На Южном Урале пластинчатый наконечник был обнаружен и задокументирован при раскопках могильника Каранаево (Башкортостан) (Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58, 25). Женское захоронение № 32, совершенное в кургане бронзового века, было разграблено черными копателями, но один из пластинчатых наконечников из позолоченного серебра, украшенный пальметным орнаментом, сохранился (рис. 2)⁶¹. Согласно документированию, выполненному во время раскопок, наконечник лежал рядом с черепом; таким образом, он когда-то служил украшением женской косы. Опубликовавший находку Н.А. Мажитов датировал захоронение достаточно широкими временными рамками – IX – X вв., и, основываясь на технологии изготовления, орнаментации и способе ношения наконечника, соотнес его с древними мадьярами (Мажитов, 1981, с. 127). Основываясь на типологии некоторых артефактов и особенностях погребения (например, «частичные» захоронения лошадей), обнаруженных в подобных курганных могильниках, расположенных к юго-востоку от Волжской Булгарии, в южных районах Предуралья, некоторые исследователи локализируют здесь историческую Magna Hungaria – территорию проживания древних мадьяр до переселения в Этелькёз. Они сопоставляют с мадьярами памятники кушнаренковской (VI – VIII вв.) и караякуповской (VIII – IX вв.) археологических культур (Иванов, 1999; Fodor, 2010, p. 42–47; Türk, 2014, p. 24).

Пластинчатый наконечник из позолоченного серебра, украшенный пальметным орнаментом, обнаруженный в раннесредневековом могильнике Андреевская щель на Северо-Западном Кавказе (Краснодарский край), был задокументирован в 2016 году во время первой кавказской экспедиции венгерских археологов (Lezsák et al, 2018, p. 143–168) (рис. 3). Артефакт был найден анапским краеведом Андреем Бандурко в районе могильника, обнаруженного в 1987 году, и затем случайно попал в Анапский археологический музей. По технологии изготовления и способу украшения пластинчатый наконечник из Андреевской щели обнаруживает параллели с орнаментированными пластинчатыми наконечниками и пластинами поясных сумок Карпатского региона X в. Список предметов, поступивших в музей в 2015 году, включает, среди прочего, фрагмент серебряной пластины поясной сумки и фрагмент сабли, которые также можно связать с находками из Карпатского региона (Новичихин и др., 2022, с. 250–268). Типологически артефакты, обнаруженные в северо-западном

⁶⁰ В данной статье не рассматриваются литые наконечники, изготовленные в Карпатском бассейне, однако важно отметить, что, согласно результатам исследований, достоверным представляется восточное, салтовское происхождение такого типа артефактов.

⁶¹ В захоронении была также обнаружена глиняная посуда, найденная рядом с головой похороненной женщины.

Предкавказье (например, оружие с пальметным орнаментом, поясные украшения и т.д.), характерны также для субботцевского горизонта памятников, локализованного на территории нынешней Украины; основываясь на письменных византийских источниках, исследователи отождествляют данный археологический горизонт с ареалом проживания древних мадьяр. На основании византийских, арабских, русских и западных источников, северо-западное Предкавказье и побережье Меотиды (Азовского моря) также можно связать с исторической Леведией эпохи, предшествующей Этелькёзу (*Moravcsik*, 1930, p. 108; *Erdélyi*, 2008, p. 21).

Пара пластинчатых накосников, задокументированных в третьем месте, происходит из Средней Волги. Здесь она использовалась для иной цели: скорее всего, она украшала пояс уздечки лошади, похороненной рядом с воином, фиксируя место соединения шейного ремешка, налобного ремня и уздечки (*Круглов*, 2016, с. 214) (рис. 4)⁶². Курганный могильник Колобовка расположен недалеко от Волгограда, бывшего в раннем средневековье важным торговым центром, в котором также была переправа через Волгу.

Основным методологическим требованием при классификации вновь обнаруженного артефакта в одну из археологических культур является наличие хотя бы одного образца такой находки, найденного и задокументированного при достоверных обстоятельствах (*Révész*, 2012, p. 444.). Данный критерий был выполнен в случае с каранаевской находкой, т.е. фактом является надлежащим образом задокументированное наличие аналога данного типа артефактов на Востоке. Важно также отметить, что Мазитов, опубликовавший данные находки из захоронения, идентифицировал погребенную в нем женщину с пластинчатым накосником как этническую венгерку именно благодаря использованию данного предмета (*Мазитов*, 1981, с. 127.). С другой стороны, хоть пластинчатый накосник из Андреевской щели и попал в Анапский археологический музей случайным образом, место его обнаружения (северо-восточное побережье Черного моря), безусловно, можно считать показательным. Суммируя, можно сказать, что все три места раскопок расположены вдоль единой оси с северо-востока на юго-запад, простирающейся от Урала через Волгу на Кавказ.

Большую часть памятников эпохи обретения родины нельзя считать этноспецифическими, то есть несколько этнических групп могли пользоваться одними и теми же типами предметов, что, прежде всего, указывает на принадлежность к одному культурному слою. С другой стороны, одежда, оружие и др. артефакты могут содержать технические и декоративные элементы, которые могут являться этническими маркерами (*Bóna*, 2000, p. 18–19; *Komar*, 2018). Оба пластинчатых накосника, обнаруженных на Южном Урале и в предгорье Северо-Западного Кавказа, можно трактовать как часть одного и того же элемента головного убора. Кроме того, обнаруживается схожесть в их исполнении и декоре. Важным общим мотивом является то, что оба экземпляра были выпрессованы из позолоченной серебряной пластины, на поверхности имеют отверстия под заклепки⁶³, и украшены растительным орнаментом (пальметой и цветком лотоса). На артефакте, найденном в Андреевской щели, изображена пальметта⁶⁴; исследователи считают данный мотив венгерским типом (об

⁶² По словам Е.В. Круглова, анонсировавшего находку, захоронение можно отнести к гузским и датировать началом XI в. (*Круглов*, 2016, с. 214). Вне зависимости от этнической идентификации и датировки похороненных здесь лиц, размер, декор и техническое исполнение обнаруженной здесь пары показывают прямые параллели с пластинчатыми накосниками Карпатского региона (см. *Lezsák et al*, 2018, рис. 8).

⁶³ Заклепки, к сожалению, не сохранились.

⁶⁴ На основании определения, данного Адамом Боллоком: *Bollók*, 2015, p. 260.

этом см.: *Bollók*, 2015, p. 360–362). Пластинчатый накосник, найденный в Андреевской щели в предгорьях Северо-Западного Кавказа, обнаруживает ближайшие параллели с подобными образцами из памятников Карпатского региона, напр., из Анарча и Ченгеле. Исследования датируют эти образчики – как и моду на ношение накосников вообще – X веком (*Lezsák et al*, 2018, p. 154–155)⁶⁵. На находке из Каранаево пальметный мотив венгерского типа⁶⁶ появляется вместе с мотивом лотоса; последний в больших количествах обнаруживается также на артефактах из Карпатского региона. Этот орнамент видим также в центральной части пластинчатого накосника из Чольошпалош (область Бач-Кишкун, Венгрия) (*Lezsák et al*, 2018, рис. 8). Исследования показывают, что пальметный орнамент эпохи обретения родины своими корнями восходит к древнеперсидскому сасанидскому искусству (*Pósta*, 1905, p. 152–153; *Fettich*, 1937, p. 83, 91; *Fodor*, 1973, p. 32–41; *László*, 1974, p. 62–64), а в дальнейшем распространении сасанидского искусства, а вместе с ним и пальметного декора, важную роль сыграло исламское искусство (*Fettich*, 1937, p. 85–94; *Fodor*, 1973, p. 32–41; *László*, 1974, p. 62–64; *Bollók*, 2015, p. 368). С другой стороны, кружевной пальметный мотив, определяемый как венгерский тип, обнаруживается намного раньше, еще в шумерских артефактах, найденных на территории современного Ирака, и среди находок урартских «скифов» (см., напр.: *Orthmann*, 1985, p. 317). «Древо жизни», «святое древо» месопотамского изобразительного искусства, является одним из символов плодovitости шумерского мира верований (*Komoróczy*, 1976, p. 571). В мемориальном материале т.н. «царских скифов», локализуемом в Азово-Черноморском регионе, встречается как дерево-пальметта (см., напр., *Алексеев*, 2012, с. 84), так и кружевной пальметный мотив (напр., *Алексеев*, 2012, с. 116.)⁶⁷. Пальметные мотивы обнаруживаются также в артефактах Киевской Руси конца IX – X вв., а также Дунайской Болгарии, где он был в моде практически в то же время, что и среди венгров эпохи обретения родины (*Mesterházy*, 1998, p. 155).

В связи с распространением пластинчатых накосников важно также отметить, что данный тип артефактов на данный момент обнаружен только на Южном Урале и Черноморском побережье Северного Кавказа; в то же время, он отсутствует в находках субботцевского горизонта в среднем течении Днепра (Украина), соотносимого с Этелькёзом. Это обстоятельство может свидетельствовать о существовании прямых контактов между Карпатским регионом и указанными выше двумя регионами. При этом связь между Карпатским регионом и Северным Кавказом могла быть значительно более тесной, что также подтверждается тем фактом, что к настоящему времени на Южном Урале и на его восточных склонах не найдено ни одной поясной сумки, украшенной подвесками (накладками) или пластинами⁶⁸, в то время как на Северном

⁶⁵ Несмотря на исключительно большое количество памятников в Карпатском бассейне, чтобы решить, являются ли пластинчатые накосники, найденные к востоку от Карпат, предшественниками карпатских, или же они были изготовлены уже на новой родине венгров и затем попали на восток, понадобятся дополнительные находки из рассматриваемых регионов – в случае удачи, с монетами. Однако уже сейчас можно указать на наличие определенных связей между данными регионами.

⁶⁶ По определению А.В. Комара, круглая бляха (накосник) женского головного убора из Каранаево «декорирована сложной «венгерской» пальметтой» (*Комар*, 2018, p. 184).

⁶⁷ На влияние металлических изделий меотийских скифов на бляхи (пластины) поясных сумок обращал внимание уже Нандор Феттих; по его словам, венгры начали использовать скифские мотивы благодаря сохранению в регионе центров металлообработки (*Fettich*, 1937, p. 9–11, 91, 99.).

⁶⁸ Находки украшенных подвесками или пластинами поясных сумок к востоку от Карпатского региона не простираются далее на восток от Волго-Камского бассейна; на данный момент в южном Предуралье и на восточных склонах Уральских гор не обнаружено ни одно украшение такого вида.

Кавказе обнаружены оба типа сумок⁶⁹. Согласно исследованиям, артефакты с пальметным орнаментом появляются в предгорьях Южного Урала лишь во второй половине IX века (*Bollók*, 2015, р. 389), тогда как среди северокавказских находок степного типа они датируются гораздо более ранним периодом (кроме скифов, см. напр.: *Яценко*, 2022, рис. 5, 1 и *Пьянков* и др., 2014, с. 50–51).

Относительно происхождения самого типа объекта, Дюла Ласло в 1944 году писал, что оно ведет к артефактам царских скифов из Понтийского региона (*László*, 1944, р. 152). Действительно, головной убор, украшенный парой дисков, был обнаружен в княжеском женском захоронении в скифском кургане Большая Близница, расположенном на Таманском полуострове на северо-восточном побережье Черного моря (рис. 5)⁷⁰. А.М. Прохоров и Б.А. Рыбаков, выдающиеся исследователи культуры средневековой Киевской Руси, также сравнивали княжеские женские головные уборы Киевской Руси XI – XIII вв. с находками периода царских скифов (*Прохоров*, 1881; *Рыбаков*, 1981, с. 54, 65). Таким образом, материальная культура царских скифов региона между Понтом и Меотидой могла оказывать определяющее влияние и на более поздние культуры⁷¹, в особенности на многие элементы венгерских находок периода обретения родины X века⁷².

Исторические взаимоотношения восточного распространения артефактов данного типа

Интересно, что пластинчатые наколки, найденные на стоянках к востоку от Карпатского региона, известны именно с тех территорий, которые, исходя из письменных источников и, частично, археологических находок, можно (также) идентифицировать как восточные ареалы проживания древних мадьяр. Письменные источники свидетельствуют, что венгры впервые появляются в истории в первой половине IX века в южной части Восточной Европы, в районе Понта и Меотиды. Но намного ранее, ок. 527 года, согласно византийским источникам (Малалас, Феофан), гуннский князь по имени Могер («Муагерис») проживал на юго-восточном побережье Меотиды (*Moravcsik*, 1927, р. 258–271). Некоторые исследователи считают, что по имени этого гуннского князя мог быть назван род (или племя) *медьер*, что позднее стало этнонимом (напр.: *Moravcsik*, 1927, р. 265; *Szabados*, 2018, р. 82–97). Многочисленные параллели доказывают, что самоназвания степных этнических групп обычно происходят от имен известных вождей, т.е. от имен собственных (*Golden*, 1992, б)⁷³. Средневековые венгерские хроники также сообщают, что родоначальника династии Арпадовичей звали Магор (Мадьяр), и мадьяры-венгры получили свое имя в его честь (*Szabados*, 2018, р. 82–97). Недавно Рихард Санто показал, что эти латинские

⁶⁹ Поясная сумка, украшенная пластиной, была обнаружена в могильнике Андреевская щель на Северо-Западном Кавказе (*Новичихин* и др., 2017, с. 67–88), а сумка с подвесками была найдена в могильнике Мартап-Чу на территории современной Чечни (*Виноградов*, 1983, с. 211–220). О связях с Кавказским регионом писал Константин Багрянородный, сообщая, что династия Арпадовичей в середине X века с помощью послов продолжала поддерживать связи с савард-мадьярами, отделившимися от остальных мадьяр и поселившимися на южных склонах Кавказских гор.

⁷⁰ Детальнее о находке см.: *Артамонов*, 1966, с. 68–70.

⁷¹ К такому выводу пришел и Артамонов. По его мнению, металлообработка у скифов вышла из-под первоначального греческого влияния и создала абсолютно уникальное искусство, определившее даже художественный стиль и культуру степных народов послегуннского периода (*Артамонов*, 1966, с. 84).

⁷² См. напр., глазные и ротовые пластинки из драгоценного металла, найденные в захоронениях венгерской элиты периода обретения родины, или частичные конские захоронения, содержание которых идентично захоронениям царских скифов Понта, Меотиды и Северо-Западного Кавказа. О последних см.: *László*, 1943, р. 198; *Lezsák*, 2022, р. 249–266.

⁷³ См., напр., Узбек, Сельджук, Ногай и др. Об этом см. также, напр.: *Mátéffy*, 2013, р. 8; *Sudár*, 2015, р. 122.

наименования (в форме «Magori sive huni») являются собственными, внутренними наименованиями мадьяр, которые можно проследить до существующей народной традиции (Szántó, 2022, p. 81–105). Средневековые венгерские хроники также называли родину венгров до периода обретения новой родины «Dentumoger» и «Mogogia», и в этих названиях можно распознать древнее наименование мадьяр (Szántó, 2022, p. 97). Упомянутые две «скифские провинции» могли располагаться в Восточной Европе, между Меотидой (Азовским морем) и рекой Дон, а также в районе Северного Кавказа (Szabados, 2017, p. 287–288)⁷⁴. Еще одна форма самоназвания мадьяр, Hétmagyar ("Hetumoger"),⁷⁵ являющаяся более поздним этнонимом, также приводит к восточному побережью Меотиды и северо-западным отрогам Кавказа (Obrusánszky, 2013, p. 82–83; Sudár, 2020, p. 213–221.). Однако не только эндо-, но и экзоэтнонимы мадьяр, напр., основы слов *ugri, ungri, hongrois, Hungarian, ungarisch*, можно соотнести с названием племени *оногуров*, локализованных в районе Понта и Меотиды. Оногуры значит «десять огуров», а сам этноним построен по тому же принципу, что и наименование *hétmagyar* («семь мадьяр»). Оногуры в данном регионе упоминаются в византийских источниках, начиная с V века; согласно Иордану, в VI веке они контролировали Меховой путь с севера на юг (Moravcsik, 1930, p. 91). Иными словами, оногуры покупали меха и шкуры у лесных племен верхней Волги, Южного Урала и Западной Сибири; они же занимались продажей этих товаров. По описанию анонимного Географа Равенны, их страна «Patria Onogoria» в VII веке могла располагаться на восточном и северном берегах Меотиды (Азовского моря) (Szántó, 2020, p. 101–125), а оногуры в этих местах упоминаются в епископских списках VIII века (Moravcsik, 1930, p. 108.). Автор «Равеннской космографии», писавший ок. 700 г., располагает оногур, алан и болгар вместе в Прикубанье и на Дону; таким образом источник того времени подтверждает существование политического окружения, упоминание о котором, переплетенное со сказочными элементами, находим в Легенде о чудесном олене – предании о происхождении мадьяр, записанном в хронике Шимона Кезаи во второй половине XIII века (Szántó, 2020, p. 125.).

Кара Давид Шомфай недавно указал, что хорошо задокументированный в письменных источниках уход древних болгар со своей родины на Кубани может моделировать и миграцию древних мадьяр (Somfai Kara, 2020, p. 135, 136). Согласно письменным источникам, во второй половине VII века, после смерти хана Кубрата, древние болгары вследствие нападений хазар разделились на несколько частей: часть из них создала Великую Булгарию на Верхней Волге, другая группа ушла на запад, где основала Дунайскую Булгарию, еще одна, меньшая часть перешла Кавказ и обрела свою родину в его юго-западной части. Оставшиеся продолжали жить на своей старой родине под управлением Батбаяна, став плательщиками дани хазар (рис. 6). По мнению некоторых ученых, во время миграции болгар, во второй части VII века, часть оногуров могла переселиться вместе с частью болгар на территорию, обнаруженную монахом Юлианом Венгерским в первой половине XIII века и определенную им как “Magna Hungaria” (см., напр.: Erdélyi, 2008, p. 23), в то время как меньшая их часть, савард-мадьяры («sabartoi asphaloi»), которых упоминает византийский император Константин

⁷⁴ Основываясь на традиционном происхождении венгров, описываемом в средневековых венгерских хрониках, и этимологии мест расселения мадьяр до обретения родины (Dentumoger: Венгрия в устье Дона, Dentia: Венгрия в Подонье, Донаская Венгрия. Об этом см., напр.: Hóman, 1935, p. 66), можно полностью исключить предложенную А.В. Комаром локализацию страны Dentumogeria в «Задонье» и далее в Западной Сибири (Комар, 2018, с. 255, 424.), что противоречит также и источникам конца IX – X вв. (напр.: Reginonis Abbat, 1890, p. 131).

⁷⁵ Здесь речь идет о семи мадьярских племенах, упоминаемых византийским императором Константином Багрянородным в труде, написанном в середине X века (Moravcsik, 2003).

Багрянородный, поселилась в Закавказье (*Erdélyi*, 2008, p. 21). В то же время, бóльшая часть оногуров (мадьяр) стали плательщиками дани хазар и жили на побережье Меотиды и в степных землях, богатых травами⁷⁶, к северу от нее, вплоть до начала IX века, после чего во время религиозного конфликта, выйдя из хазарского племенного союза, они оставили эту территорию и двинулись вместе с кабарам в местность под названием Этелькёз, а затем в Карпатский регион (*Moravcsik*, 1930, p. 108–109). Согласно данной модели, они придерживались той же миграционной схемы, что и ранее булгары.

Кара Давид Шомфай упоминает еще один интересный пример моделирования древней миграции мадьяр. Нам известно из письменных памятников, что в XV веке ногайские татары свободно кочевали в степях между Уралом и Кавказом, а когда контроль над Меховым путем от них перешел к Московии, они были вытеснены в окраинные районы к северу и югу от него, либо мигрировали на запад⁷⁷, подобно булгарам и древним мадьярам (*Somfai Kara*, 2020, p. 133, 139–140.). На севере ногайцы слились с башкирами, другие осели на Кавказе или продвинулись далее на запад. Другими словами, ногайцы повторили модели миграции булгар и мадьяр (*Somfai Kara*, 2020, p. 140). По мнению Кара Давида Шомфай, в силу данных обстоятельств чрезвычайно важным вопросом является изучение этнической истории кыпчако-тюркских этносов, напр., башкир, казанских татар, ногайцев, кумыков и карачаево-балкарцев, населивших Восточную Европу от Урала до Кавказа после миграции оттуда древних мадьяр и проживающих там донныне. Часть венгров, оставшаяся на Востоке, могла влиться в эти этнические группы, на что указывают и недавние генетические исследования (см., напр.: *Nagy et al*, 2020). Исходя из перечисленных выше данных, ареал проживания древних мадьяр до их перемещения в Этелькёз можно определить, как земли между Предкавказьем и Уральскими горами. Данное предположение согласуется с письменными источниками и традиционными представлениями о происхождении мадьяр, содержащимися в средневековых венгерских хрониках. Эта модель подтверждается также распространением пластинчатых накосников, считающихся венгерским типом артефактов, далеко на восток.

Список иллюстраций

Рис. 1. Распространение пластинчатых накосников от Карпатского бассейна до Урала (по: *Lezsák et al*, 2018, p. 162).

Рис. 2. Каранаевский пластинчатый накосник с Южного Урала (*Bollók*, 2015, p. 388, по: рис. 125).

Рис. 3. Пластинчатый накосник из Андреевской щели (северо-восточное побережье Черного моря) (фото: А. Новичихин).

Рис. 4. Колобовский накосник из Средней Волги (*Круглов*, 2016, с. 214, по: рис. 155).

⁷⁶ Арабские источники также ссылаются на это, напр., Гардизи: «Есть у них просторные степи, полные трав <...> Страна мадьяр полна деревьев и болот, земля их влажная» (*Szántó*, 2020, p. 118). Согласно восточным источникам, территория проживания мадьяр представляла собой просторные степные луга и влажную болотистую местность. Эти географические характеристики похожи на описание Оногории, лежащей вблизи Кубани и к северу от Меотиды, представленные в «Космографии»; в последнем случае болотистая местность была органично связана с просторными степными пастбищами, расположенными чуть выше (*Szántó*, 2020, p. 118).

⁷⁷ В Крым или на территорию современной Молдовы.

Рис. 5. Женские княжеские артефакты, включая головное украшение – подвески, из скифского кургана Большая Близница, расположенного в юго-восточной части Меотиды, на Таманском полуострове (по: *Прохоров*, 1881).

Рис. 6. Карта миграции древних булгар.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей из собрания Эрмитажа. – Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага–Ленинград, «Артия», «Советский художник». 1966.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999.

Круглов Е.В. Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана. Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до булгара. – М.: Издательский дом Марджани, 2016. – С. 186–225.

Новичихин А.М., Лежак Г., Галл Э. Археологические параллели находок X века из могильника Андреевская щель, близ Анапы, с находками из Карпатского бассейна // Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, доктора исторических наук Владимира Александровича Кузнецова. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. – Ставрополь: Печатный Двор, 2022. – С. 250–268.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. – М.: Наука, 1981.

Прохоров В.А. Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. Вып. 1-й. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881.

Пьянков А.В., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. Возвращённые сокровища Кубани. – Краснодар: Традиция, 2014.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М., 1981.

Яценко С.А. О сарматской орнаментике. Древности Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный 95-летию юбилею крупнейшего специалиста по аланской археологии и истории, доктора исторических наук Владимира Александровича Кузнецова. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 15. – Ставрополь: Печатный Двор, 2022. – С. 211–226.

Bóna I. A magyarok és Európa a 9 – 10. században // *História Könyvtár Monográfiák*. 12. – Bp., 2000.

Erdélyi I. Schytia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei. – Bp., Mundus Magyar Egyetemi Kiadó, 2008.

Fettich N. A honfoglaló magyarság fémművészete // *Archaeologia Hungarica* XXI. – Bp., 1937.

Fodor I. Honfoglalás kori művészetünk iránti kapcsolatainak kérdéséhez // *Archaeológiai Értesítő*. – 1973. – № 100. – P. 32–41.

Fodor I. Őstörténet és honfoglalás. Magyarország történeteI. – Bp., 2010.

Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples, Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1992.

Hóman B. Az ősidőktől a XII. század végéig // *Hóman-Szekfü: Magyar történet* 1. – Bp., 1935.

Komar O. A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. – Bp.: Martin Opitz Kiadó, 2018.

Komoróczy G. Egy termékenység-szimbólum Mezopotámiában. Jegyzetek az „életfa” kérdéséhez // *Ethnographia*. – 1976 – LXXXVII. 4. – P. 569–573.

László Gy. A magyar őstörténet régészete. Ligeti L. (szerk.): A magyarság őstörténete. – Bp.: Akadémiai Kiadó, 1943.

László Gy. A honfoglaló magyar nép élete. – Bp.: Püski kiadó, 1944.

László Gy. A népvándorlások művészete Magyarországon. – Bp.: Corvina, 1974.

Nagy L. et al. Determination of the phylogenetic origins of the Árpád Dynasty based on Y chromosome sequencing of Béla the Third // *European Journal of Human Genetics*, 2020.

Lezsák G.M., Novichikhin M., Gáll E. The analysis of the discoid braid ornament from Andreyevskaya Shchel (Anapa, Russia) (10th century) // *Acta Archaeologica Carpathica*. – 2018. – № 53. – P. 143–168.

Lezsák G.M. Új adatok a honfoglaló magyarok részleges lovastemetkezéseinek eredetéhez. Mítosz és történelem II. Tanulmányok Hoppál Mihály 80. születésnapjára. Első kötet. Szerk.: Hoppál Bulcsú és Szabados György // *Európai Folklór Intézet–Magyar Vallástudományi Társaság*. – Bp., 2022. P. 249–266.

Mátéffy A. Az Árpád-ház szerepe a csodaszarvas-történetek európai elterjedésében // *Ethnographia*. – 2013. – № 124. – P. 1–40.

Mesterházy K. A honfoglaló magyarok művészete és az abbaszida-iraki művészet // *Századok*. – 1998/1. – P. 129–159.

Moravcsik Gy. Muagerisz király // *Magyar Nyelv*. – 1927. – № 23. – P. 258–271.

Moravcsik Gy. Az onogurok történetéhez // *Magyar Nyelv*. – 1930. – № 26. – P. 89–109.

Moravcsik Gy. (ford.) A birodalom kormányzásáról. *Lectum Kiadó*. – Szeged, 2003.

Novicsihin A., Lezsák M.G., Gáll E. Tarsolylemeztöredék Andrejevskaja scselből. Gondolatok a tarsolyok kelet-európai és kárpát-medencei elterjedésével kapcsolatban // *Alba Regia*. 2017. – № 45. – P. 67–88.

Obrusánszky B. Hunok, hungárok, magyarok // *Kárpátia Műhely*. – Bp., 2013.

Orthmann W. *Der alte Orient*. Propyläen-Verlag, 1985.

Pósta B. Régészeti tanulmányok az Oroszöldön I – II. rész. Zichy Jenő gróf harmadik ázsiai utazása. – Bp.–Leipzig, 1905.

Reginonis Abbatis. Reginonis abbatis prumiensis Chronicon, cum continuatione treverensi. Recognovit Fridericus Kurze // *Publisher Hannoverae Impensis Bibliopolii Hahniani*, 1890.

Révész L. Honfoglalás kori áttört állatalakos hajfonatkorongok a Kárpát-medencében. Avarok pusztái. Tanulmányok Lőrinczy Gábor 60. születésnapjára. Szerk.: Anders A. – Balogh Cs // *Türk A. Opitz Archaeologica* 6. – Budapest, 2012. – P. 401–420.

Somfai K. D. Kipcsak török (kun) ajkú népek kutatása és a magyar őstörténet. Magyar őstörténeti műhelybeszélgetés // *Neparáczki Endre. A Magyarságkutató Intézet Kiadványai* 20. *Magyarságkutató Intézet*. – Bp., 2020. – P. 133–140.

Sudár B. (szerk.) A magyarok a honfoglalás korában // *Magyar őstörténet* 2. – Bp.: Helikon, 2013.

Sudár B. Hétország: Egy rejtélyes ország a 10. századi Kaukázusban. *Történelmi Szemle*. – 2020. – № LXII. – P. 1–9.

Szabados Gy. „Szkítia három tartománya”. Szanka Brigitta – Szolnoki Zoltán – Juhász Péter szerk.: *Középkortörténeti tanulmányok* 9. A IX. *Medievisztikai PhD-konferencia* (Szeged, 2015. június 17 – 19) előadásai. – Szeged, 2017. – P. 285–301.

Szabados Gy. Magyar – Naming Persons, Places, Communities // *Hungarian Historical*. – 2018/1. – Review 7. – P. 82–97.

Szabó G. Palmetta, karmos paripák, égberagadó turul, csodafiúszarvas. Kaukázusi régészeti és néprajzi párhuzamok a honfoglalás kori hitvilágunk és díszítő művészetünk értelmezéséhez // *Ethnographia*. – 2022/2. – № 133. – P. 215–255.

Szántó R. Ravennai Anonymus Cosmographiája és a korai magyar történet // *Acta Historica*. – 2020/1. – № 145. – P. 101–125.

Szántó R. A magyarok népnevei krónikáinkban. Mítosz és történelem II. Tanulmányok Hoppál Mihály 80. születésnapjára. Első kötet // Hoppál Bulcsú és Szabados György. Európai Folklór Intézet–Magyar Vallástudományi Társaság. – Bp., 2022. – P. 81–106.

Türk A. A korai magyar történelem régészeti kutatása napjainkban // Magyar őstörténet. Tudomány és hagyományörzés. MTA BTK MÖT Kiadványok I. Szerk.: Sudár B. et al. – Bp., 2014. – P. 19–30.

Vinogradov V.B. Altungarische parallelen zu einigen gräbern des alanischen gräberfeldes bei Martan-Ču // *Acta Archaeologica*. – 1983. – Tomus 35. – P. 211–220.

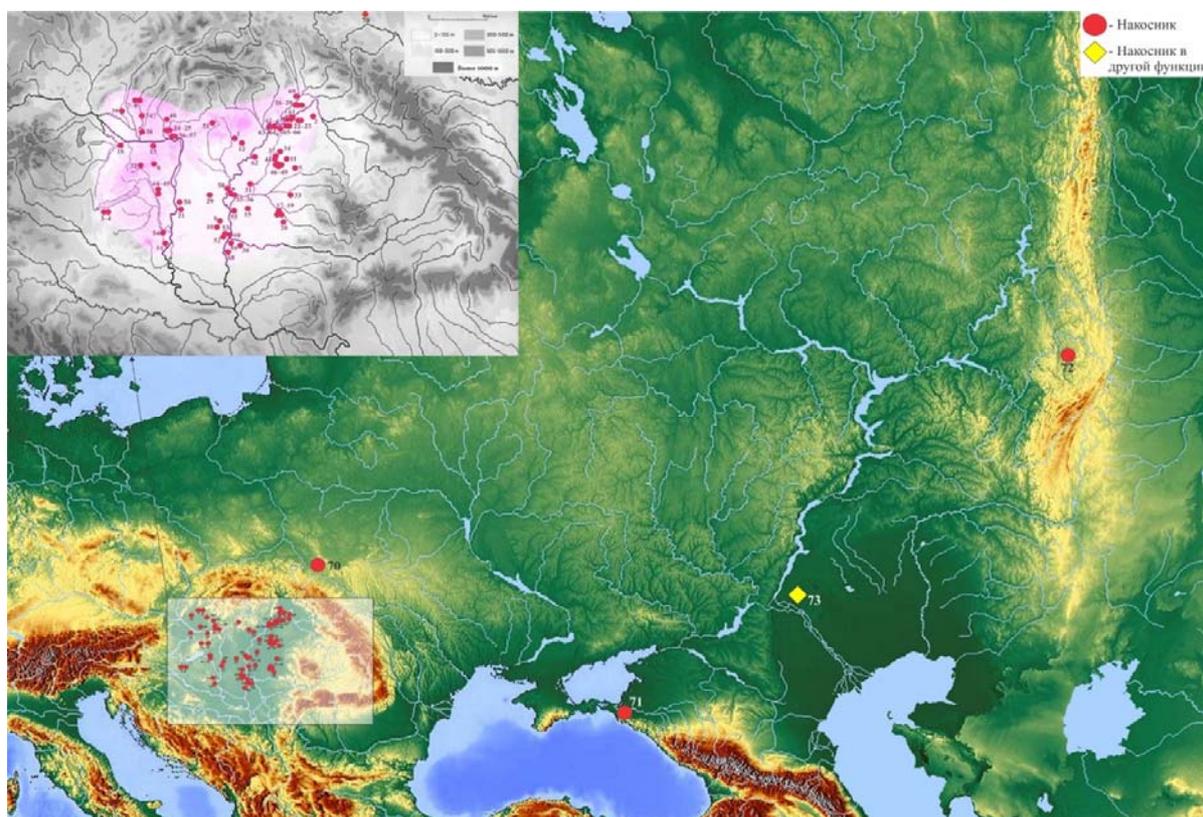

Рис. 1

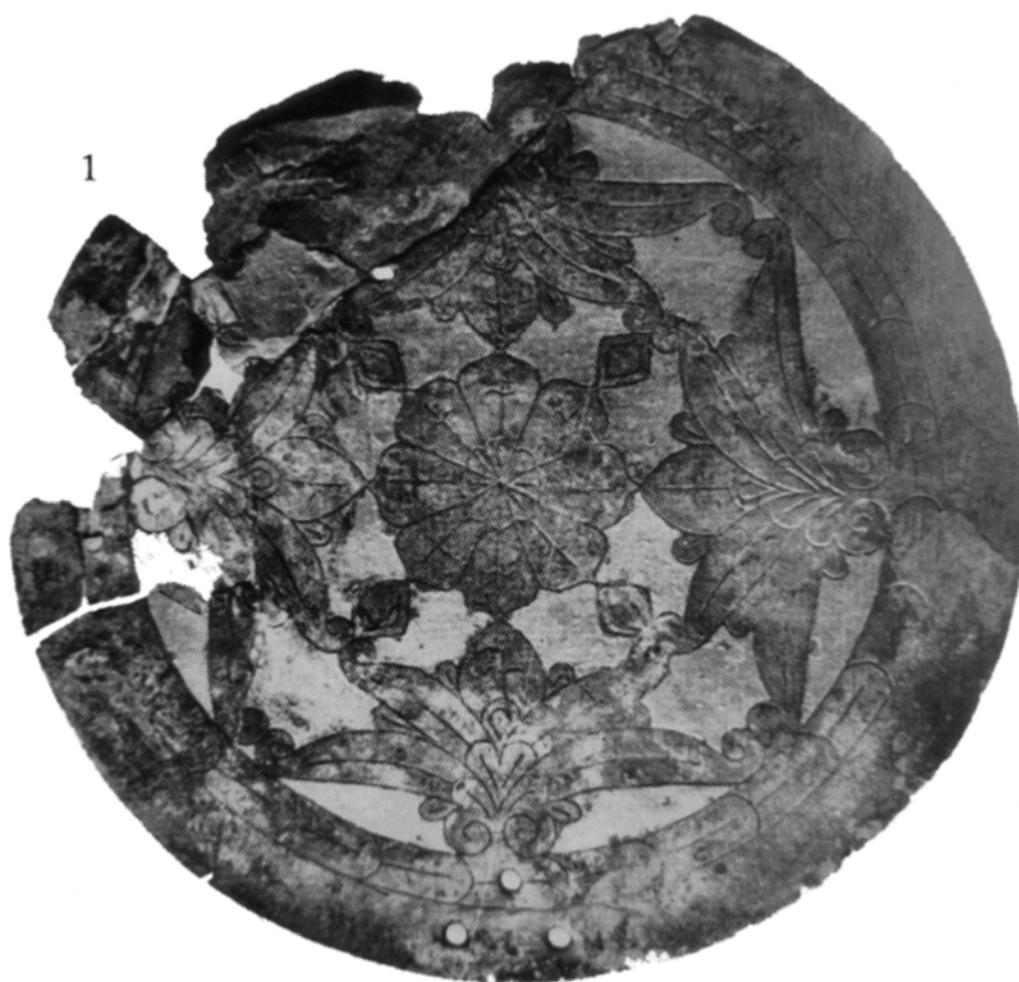

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

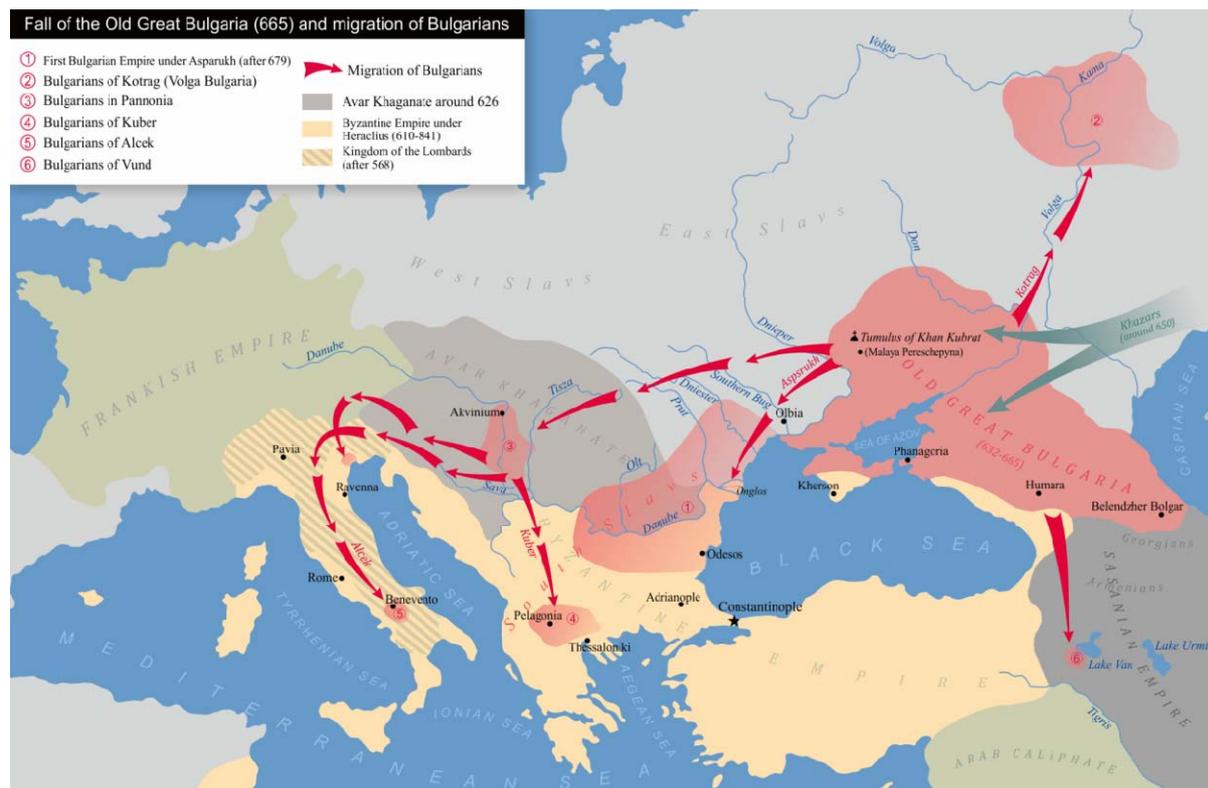

Рис. 6